

Э.Д. Гримм

Революция 1848 года во Франции. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Э1

Э1 **Э.Д. Гримм**
Революция 1848 года во Франции. Часть 1 / Э.Д. Гримм – М.: Книга по Требованию, 2024. – 144 с.

ISBN 978-5-458-54022-3

ISBN 978-5-458-54022-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Февральская революція представляет одинъ изъ важнѣйшихъ этаповъ и одинъ изъ самыхъ поучительныхъ эпизодовъ политической исторіи Европы въ XIX вѣкѣ. Своимъ происхожденіемъ и характеромъ она связана тѣснѣйшимъ образомъ со всѣмъ ходомъ европейской умственной жизни первой половины вѣка; ея основныя особенности и ея исходъ оказали огромное, во многихъ отношеніяхъ рѣшающее, вліяніе на ходъ европейской жизни второй половины вѣка.

Настоящіе очерки содержатъ изложеніе наиболѣе характернаго и важнаго періода этого революціоннаго движенія, а именно времени отъ февральскихъ дней до іюньскаго возстанія, и распадаются на двѣ тѣсно связанныя другъ съ другомъ части.

Первая часть посвящена разсмотрѣнію условій французской жизни, приведшихъ къ революціи, и выясненію тѣхъ теченій умственной жизни, которыя опредѣлили характеръ іюльской монархіи, а также взгляды и образъ дѣйствій враждебныхъ ей общественныхъ элементовъ. Задача автора заключалась въ томъ, чтобы дать возможно болѣе отчетливое и полное представленіе о состояніи французской общественной жизни наканунѣ революціи. Именно въ виду этой цѣли авторъ разсматриваетъ разныя теченія французской жизни въ порядкѣ ихъ возникновенія. Этотъ способъ изложенія позволялъ разсматривать каждое изъ нихъ среди той исторической и психологической обстановки, среди которой оно возникло, и выдвинуть именно такимъ путемъ ихъ наиболѣе характерныя особенности. При установленіи степени подробности разсмотрѣнія разныхъ направленій авторъ руководился болѣе или мѣнѣе

знакомствомъ русскаго читателя съ ними: вотъ почему, напр., изложеніе либеральныхъ ученій заняло нѣсколько больше мѣста, чѣмъ изложеніе республиканскихъ или соціалистическихъ ученій.

Вторая часть посвящена самому ходу революціи, начиная съ такъ наз. банкетнаго движенія. Стремясь выяснить причины жалкой неудачи революціи, авторъ не касался всѣхъ тѣхъ явленій, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ означенному вопросу, какъ, напр., международныя сношенія второй республики и т. п. Съ другой стороны, онъ былъ вынужденъ излагать отдѣльные моменты революціи съ значительною подробностью, такъ какъ только при такихъ условіяхъ возможно дать болѣе или менѣе ясное представленіе о стихійныхъ народныхъ движеніяхъ. Этимъ, а также и тѣмъ, что авторъ старался приводить возможно чаще рассказы или отзывы нѣкоторыхъ современниковъ революціи, объясняется, почему вторая часть, охватывающая періодъ всего въ нѣсколько мѣсяцевъ, оказалась болѣе объемистой, чѣмъ авторъ ожидалъ.

11 мая 1908 г.

Э. Гриммъ.

Г Л А В А I.

Введение.—Значеніе революціи 1848 года.

Девятнадцатый вѣкъ является эпохой величайшаго кризиса, пережитаго до сихъ поръ современной европейской цивилизаціей. Всѣ условія европейской жизни измѣняются за это короткое время съ такой неслыханной быстротой, что намъ, выросшимъ въ эпоху пара и электричества, въ эпоху гигантскаго переворота въ естественно-научномъ и историческомъ мышленіи, въ эпоху борьбы капитала со старыми экономическими отношеніями и съ пролетаріатомъ, въ эпоху неувѣроятнаго роста народонаселенія вообще и крупныхъ городовъ въ частности, трудно представить себѣ, какъ жили и мыслили наши ближайшіе предки за два-три поколѣнія до насъ.

Охватившій всѣ жизненныя отношенія и измѣнившій всѣ прежнія формы быта переворотъ не могъ не отразиться и на политическихъ судьбахъ Европы. Основной смыслъ существованія государства и государственной власти заключается въ возможно болѣе сознательномъ служеніи этой власти вѣчно измѣняющимся потребностямъ той суммы живыхъ людей, молчаливое согласіе которыхъ создаетъ государство и служитъ опорой государственной власти. Чѣмъ быстрее мѣняются потребности и настроенія этой массы, тѣмъ труднѣе государственной власти, сложившейся при иныхъ и болѣе простыхъ отношеніяхъ, приспособиться къ этимъ потребностямъ и настроеніямъ, т.-е. понять ихъ и найти удовлетворяющій ихъ выходъ изъ измѣнивагося положенія вещей, тѣмъ легче возникаетъ треніе между властью и народомъ, тѣмъ неизбѣжнѣе становятся конфликты между старой властью и преобразившимся болѣе или менѣе незамѣтно обществомъ. Общественныя группы, руководящее положеніе или господство которыхъ соотвѣтствовало прежнимъ условіямъ жизни, не могутъ легко помириться съ необходимостью провѣрить радикальнымъ образомъ свои старые взгляды и подчинить ихъ интересамъ новыхъ вліятельныхъ группъ населенія. Въ результатѣ каждое крупное измѣненіе въ экономическихъ и соціальныхъ формахъ жизни и въ духовномъ обликѣ общества приводитъ къ борьбѣ разныхъ слоевъ общества за государственную власть, т.-е. за возможность приспособить дѣятельность государства къ охранѣ или осуществленію тѣхъ или иныхъ, сталкивающихся, въ жизни общества интересовъ и міросозерцаній. Смотри по характеру той государственной организаціи, въ рамкахъ которой эта борьба совершается, эта борьба можетъ принять болѣе или менѣе мирныя или, наоборотъ, насильственныя формы, но существо дѣла отъ этого не мѣняется. Разъ новыя потребности и идеи дѣйствительно глубоки, онѣ неизбежно должны пріобрѣсть руководящее вліяніе на дѣятельность государственной

власти, и весь вопрос заключается только въ томъ, насколько бурный характеръ приметъ это неизбежное развитіе.

Типичнымъ примѣромъ мирнаго приспособленія организаціи и дѣятельности государственной власти къ новымъ потребностямъ народной жизни въ XIX вѣкѣ является Англія. Правда, она уже пережила къ этому времени свой періодъ острой борьбы и насильственного переустройства государственной жизни въ видѣ двухъ революцій XVII вѣка, такъ наз. «великаго мятежа» 1640 и слѣдующихъ годовъ и «великой революціи» 1688 г. Правда, именно достигнутые во время этой эпохи результаты только и сдѣлали возможнымъ дальнѣйшее мирное развитіе англійской жизни. Но каковы бы ни были причины этого явленія—о нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ еще придется говорить,—тотъ фактъ, что Англія въ теченіе XIX вѣка перешла совершенно спокойно отъ господства поземельной олигархіи, властвовавшей надъ нею до 1832 г., сначала къ господству среднихъ буржуазныхъ слоевъ населенія, а затѣмъ съ 1867 г. къ демократической организаціи государственной власти,—этотъ фактъ остается безспорнымъ и въ высокой степени поучительнымъ.

Во всѣхъ остальныхъ европейскихъ странахъ процессъ приспособленія организаціи и дѣятельности государственной власти къ новымъ потребностямъ народной жизни совершается, наоборотъ, не иначе, какъ со страшнымъ напряженіемъ народной воли, вынужденной прибѣгнуть къ революціонному воздѣйствію на власть.

Количество относящихся сюда революціонныхъ движеній отъ великой французской революціи и до нашего революціоннаго движенія весьма велико. Но до сихъ поръ наибольшее значеніе изъ нихъ имѣли великая французская революція 1789 г., съ одной стороны, и такъ наз. революція 48 года—съ другой.

Первенствующее значеніе этихъ двухъ революціонныхъ движеній, передъ которыми блѣднѣютъ итальянскія и испанскія движенія 20-хъ годовъ, іюльская, бельгійская, польская революція и т. д., заключается, съ одной стороны, въ ихъ крупныхъ результатахъ, съ другой—въ остротѣ возбужденныхъ ими надеждъ и въ глубинѣ послѣдовавшаго за каждымъ изъ нихъ и охватившаго очень широкіе слои общества разочарованія. Изъ всѣхъ остальныхъ народныхъ движеній этого типа революціи 1789 и 1848 гг. выделяются своимъ безспорнымъ общеевропейскимъ значеніемъ. Это не значитъ, конечно, что итальянскія революціи 1820-хъ годовъ или іюльская революція вовсе не обратили на себя вниманія европейскаго общества. При той тѣсной связи, которая съ теченіемъ вѣковъ постепенно создавалась между культурными народами Европы, каждое крупное событіе, совершающееся въ жизни одного изъ нихъ, неизбежно оказываетъ свое воздѣйствіе на жизнь или настроеніе другихъ: такъ, іюльская революція несомнѣнно послужила толчкомъ не только для бельгійской и польской революціи, но и для усиленія чрезвычайно важнаго англійскаго движенія въ пользу избирательной реформы. И, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ Европа только дважды переживала такое состояніе массоваго энтузіазма, только дважды и народнымъ массамъ и передовымъ мыслителямъ полная и окончательная побѣда новой Европы надъ старой представлялась такой близкой и несомнѣнной, и только дважды постигшая ее неудача повергла ее въ такое долгое и мучительное разочарованіе.

Революція 48 года въ двухъ отношеніяхъ является прямымъ продолженіемъ начатаго Франціей въ 1789 г. дѣла. Съ одной стороны, она представляетъ попытку

перенести принципы 1789 г. почти на всю Западную Европу и, въ частности, сломить гнетъ сословно-абсолютистическаго строя въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ остался въ силѣ, несмотря на французскую революцію. Съ другой стороны, она представляетъ попытку расширить и углубить самые принципы 1789 г.,—попытку избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя повлекли за собою неудачу великой французской революціи, провозгласившей свободу, равенство и братство, но не сумѣвшей ихъ осуществить.

Каждая изъ этихъ двухъ сторонъ революціи 48 года заслуживаетъ и требуетъ особаго изученія. Идея національнаго единства и конституціонной организаціи Германіи и Италіи породила не менѣе важныя историческія явленія и идейныя теченія, чѣмъ идея соціальной реорганизаціи европейскаго общества, проявившаяся съ особенной силой во Франціи, исторія которой уже разрѣшила вопросы, волновавшіе нѣмецкое и итальянское общества, общество которой особенно ярко почувствовало плоды ошибокъ великой революціи и особенно энергично выдвинуло вопросъ о расширеніи ея принциповъ.

Задача настоящихъ очерковъ заключается въ изученіи именно этого второго процесса—не потому, что онъ привелъ къ болѣе серьезнымъ конкретнымъ результатамъ, чѣмъ, напр., нѣмецкое движеніе этихъ лѣтъ, а потому, что значеніе его для дальнѣйшаго развитія Европы, несмотря на чрезвычайную скромность его непосредственныхъ результатовъ, значительно превосходитъ по своему идейному содержанію простое стремленіе къ національному объединенію и конституціонному строю, примѣры которому (и примѣры гораздо болѣе яркіе) имѣются и въ англійской и во французской исторіи.

Нѣмецкая и итальянская революціи 48 года работаютъ со старыми идеями 1789 года; французская революція этого года выдвигаетъ новые лозунги, тѣсно связанные съ идеями 89 года, но болѣе широкіе, чѣмъ эти послѣдніе. Изъ области политической реорганизаціи Европы февральская революція переноситъ вопросъ въ область ея соціальной реорганизаціи и дѣлаетъ первую серьезную попытку къ фактическому осуществленію выросшихъ въ первую половину XIX вѣка соціалистическихъ теорій.

О значеніи такого рода попытокъ нечего распространяться. Вся умственная жизнь нашего времени пропитана идеями социализма. Вопросъ о томъ, осуществимы ли эти идеи и если да, то въ какой формѣ и какимъ путемъ, представляетъ центральный вопросъ современной европейской жизни. Отъ его правильнаго разрѣшенія по общему мнѣнію какъ враговъ, такъ и сторонниковъ социализма зависитъ дальнѣйшее развитіе и даже просто существованіе европейской цивилизаціи. Понятно, какой интересъ и для тѣхъ и для другихъ неизбѣжно долженъ представлять вопросъ, что до сихъ поръ было сдѣлано для осуществленія соціалистической идеи, и почему все, что до сихъ поръ было сдѣлано, не привело къ осязательнымъ результатамъ?

Само собою разумѣется, что въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе этого вопроса во всемъ его объемѣ. Мы попытаемся только разсмотрѣть одинъ изъ этаповъ развитія соціалистической идеи, выяснить, почему февральская революція имѣла характеръ «соціальной», а не политической революціи, и по какимъ причинамъ она именно въ области своихъ соціальныхъ стремленій потерпѣла такое полное крушеніе?

Г Л А В А II.

Причини и характеръ европейской реакціи начала XIX вѣка.

Послѣ бурнаго натиска великой французской революціи на всѣ устои стараго порядка въ самомъ концѣ XVIII и въ первыя десятилѣтія XIX вѣка вся Европа испытываетъ тяжелую и длительную реакцію, достигающую своего апогея послѣ того, какъ великій сынъ и побѣдитель революціи, Наполеонъ I, пересталъ смущать покой коронованныхъ главъ европейскаго міра.

Несмотря на весь гнетъ, исходившій отъ европейскихъ правительствъ, эта реакція, типичнымъ представителемъ которой не безъ нѣкотораго основанія считается Меттернихъ, не была, однако, продуктомъ одной только правительственной политики. Сама правительственная реакція только потому и могла до такой степени окрѣпнуть и вліять на жизнь общества, что она опиралась на широко распространенное, шедшее ей навстрѣчу настроеніе самого общества. Общество было разочаровано и утомлено; оно не только не протестовало съ прежней горячностью противъ старыхъ порядковъ и не боролось съ ихъ поднявшими голову поборниками, масса общества утратила вѣру въ тѣ идеи и порядки, во имя которыхъ оно нѣкогда вступила въ бой со старымъ строемъ, была готова отказаться отъ нихъ и принять какъ-разъ тѣ взгляды, противъ которыхъ она до сихъ поръ возставала.

Причина такого поворота въ настроеніи европейскаго общества заключается не столько въ принципіальномъ содержаніи идей 1789 г., сохранившихъ свое значеніе и въ послѣдующее время, сколько въ не оправдавшейся увѣренности раздѣлявшаго ихъ общества въ возможности ихъ быстрого и легкаго осуществленія, иначе говоря, въ томъ, что дѣятели великой революціи не считались въ должной мѣрѣ съ реальными трудностями всякаго коренного переустройства общественной жизни или, что то же, не отдавали себѣ отчета въ дѣйствительныхъ факторахъ и условіяхъ народнаго развитія. Сами по себѣ идеи свободы, равенства и братства, къ которымъ сводится вся сущность революціонной идеологіи 1789 и сл. годовъ, настолько широки, что онѣ и въ настоящее время написаны на знамени всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ европейскаго общества, и стоитъ только раскрыть содержаніе каждой изъ нихъ, чтобы убѣдиться, что онѣ сохраняютъ свое значеніе и посейчасъ.

Въ идеѣ свободы содержится не только свобода политическая (обезпеченіе правъ человѣка и гражданина, рѣшающее участіе народа въ политической жизни, право каждой націи на самоопредѣленіе), но и свобода духовная, т.-е. свобода каждой личности отъ всякаго виѣшняго авторитета. Идея равенства содержитъ не только понятіе о формальномъ, юридическомъ, но и социальномъ равенствѣ всѣхъ гражданъ. Наконецъ, идея братства исключаетъ (не соревнованіе, но) борьбу за существованіе какъ между членами одного и того же народа, такъ и между разными народами. Ясно, что эти идеи не устарѣли и въ наше время. Къ ихъ осуществленію стремятся всѣ новыя теченія европейской мысли.

Ошибка того поколѣнія, которому впервые довелось ихъ формулировать, заключается не столько въ самомъ содержаніи его идей, сколько въ его неправильныхъ представленіяхъ о психической природѣ человѣка вообще и французскаго народа въ

частности. Господствующей особенностью просвѣтительной литературы является, какъ извѣстно, не только непоколебимая вѣра во всемогущество человѣческаго разума, но и чисто-раціоналистическое толкованіе всѣхъ явленій человѣческой жизни. Человѣкъ представляется имъ существомъ, по преимуществу разсуждающимъ, существомъ, дѣйствія котораго опредѣляются всецѣло характеромъ его опыта и знаній и методами его мышленія. При своемъ рожденіи человѣкъ представляетъ табла газа, чистый листъ бумаги, который съ теченіемъ времени заполняется тѣми представленіями и понятіями, которыя даетъ окружающая его жизнь. Не признавая врожденныхъ идей, съ которыми оперировала старая психологія и метафизика, просвѣтительная литература XVIII вѣка не признаетъ и огромнаго значенія наслѣдственности, всей той суммы безсознательныхъ навыковъ въ области чувства, воли и разума, которые на самомъ дѣлѣ играютъ такую огромную роль въ жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа и разныхъ народныхъ группъ. Комбинація этого несомнѣнно ложнаго взгляда съ установившимся подъ вліяніемъ Руссо убѣжденіемъ въ природномъ нравственномъ совершенствѣ человѣка приводитъ далѣе къ совершенно неизбѣжному выводу, что только незнаніе (или невѣжество) и неправильныя внѣшнія условія могутъ служить объясненіемъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ фактически существующихъ человѣческихъ обществъ. «Какая порочная привычка можетъ быть названа,—спрашиваетъ Кондорсе (Condorcet),—какой обычай, противный нравственному чувству, какое, наконецъ, преступленіе, происхожденіе и первоисточникъ коихъ не могли бы быть найдены въ законодательствѣ, въ учрежденіяхъ и предразсудкахъ той страны, въ коей встрѣчаются эти привычки, обычаи или преступленія»? Достаточно исправить законодательство, измѣнить учрежденія, устранить путемъ логическаго разсужденія предразсудки, и цѣль будетъ достигнута: всѣ порочныя наклонности человѣка исчезнутъ, и общество, состоящее изъ совершенныхъ людей, само достигнетъ совершенства.

Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ могло бы быть иначе? Вѣдь человѣкъ по природѣ нравственно совершененъ. «Первыя стремленія человѣка всегда хороши,—говоритъ Руссо...—Основной принципъ всякаго этическаго ученія, изъ котораго я исходилъ въ моихъ сочиненіяхъ, заключается въ томъ, что человѣкъ по природѣ хорошъ (bon) и по природѣ же любитъ справедливость и порядокъ... Эмилъ въ частности представляетъ трактатъ о природной добротѣ человѣка; цѣль его заключается въ томъ, чтобы показать, какъ пороки и ложь (l'erreur), чуждые его организаціи, проникаютъ въ человѣка извнѣ и незамѣтно извращаютъ его природу».

Но человѣкъ не только по природѣ нравственно совершененъ, онъ, кромѣ того, обладаетъ и свободной волей. «Совѣсть,—воскликаетъ Руссо въ другомъ мѣстѣ,—божественный инстинктъ, безсмертный и небесный голосъ, вѣрный вождь невѣстнаго и ограниченнаго, но разумнаго и свободнаго существа, непогрѣшимый судья добра и зла, дѣлающій человѣка похожимъ на Бога, это ты обезпечиваешь совершенство его природы»!

При такихъ условіяхъ можно только удивляться, какъ такое «разумное и свободное», руководимое «божественнымъ инстинктомъ» существо могло создать такіе безобразныя по убѣжденію Руссо формы общественной жизни и запятнать себя такой массой порочныхъ наклонностей. По мнѣнію Руссо вопросъ рѣшается, однако, очень

просто. «Природа—говорить онъ—создала человѣка счастливымъ и добрымъ, общество развращаетъ его и дѣлаетъ его несчастнымъ». «Ваши правительства—обращается онъ въ другомъ мѣстѣ къ людямъ—сами создаютъ то зло, которое вы желаете устранить при ихъ помощи... Желѣзные скипстры! Безсмысленные законы! васъ мы упрекаемъ въ томъ, что мы не могли исполнить нашихъ обязанностей на землѣ».

Но разъ это такъ, то изъ этого слѣдуетъ не только, что съ устраненіемъ нечѣлвчюобразной, развращающей человѣка общественной организаціи счастье человека можетъ считаться обезпеченнымъ, но также и то, что всякій нормальный человекъ не можетъ не понять необходимости новыхъ формъ жизни и что, если онъ, тѣмъ не менѣе, сопротивляется имъ, то не по непониманію или какимъ-либо другимъ извинительнымъ причинамъ, а исключительно вслѣдствіе злостныхъ побужденій. Предположеніе, чтобы сторонникъ стараго или врагъ новаго порядка могъ добросовѣстно руководиться своими убѣжденіями, устраняется, ибо вся причина зла заключается въ томъ, что люди не понимали нежелательности даннаго порядка. Теперь нежелательность его доказана, и кто не сдается на логическіе доводы его враговъ, тотъ дѣйствуетъ недобросовѣстно и подлежитъ самому суровому наказанію. Въ этой сектантской нетерпимости кроется одинъ изъ немаловажныхъ источниковъ якобинскаго террора.

Но этого мало. Для пониманія французской жизни конца XVIII вѣка необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду, что господствующіе въ это время взгляды считаются исключительно съ человекомъ вообще и вовсе не признаютъ безспорнаго для насъ факта, что человекъ вообще не существуетъ вовсе, а существуютъ только французы, нѣмцы, англичане и т. д., только аристократы, ремесленники, рабочіе, буржуа, крестьяне и т. д., что у каждаго изъ реальныхъ людей есть свои наслѣдственные особенности, что у каждаго народа и внутри каждаго народа у каждой его группы существуютъ хотя бы и ирраціональныя, исторически сложившіяся, но чрезвычайно прочныя традиціонныя ассоціаціи идей между собой, ассоціаціи идей съ чувствами, навыки, настолько сильныя, что никакое теоретическое разсужденіе ихъ не въ состояніи быстро разложить. По злому, но чрезвычайно мѣткому замѣчанію самаго талантливаго критика этой эпохи, Тэна, тогда разсуждали такъ, точно всѣ люди имѣютъ при рожденіи 21 годъ, т.-е. обладаютъ полной умственной зрѣлостью и воспринимаютъ всякое впечатлѣніе вполне сознательно. Но разъ это такъ, то не удивительно, что можно и даже слѣдуетъ разсчитывать всю дѣятельность государства на способность каждаго человека разобрать совершенно спокойно въ логическихъ основаніяхъ того или иного акта государственной власти. Очевидно, любящій по природѣ «справедливость и порядокъ» человекъ долженъ будетъ охотно признать всякое исходящее изъ идеи народнаго блага и логически правильно построенное рѣшеніе государства, хотя бы оно и нарушало его личные интересы или расходилось со всѣми его прежними представленіями и привычками. Очевидно, что при такихъ условіяхъ нечего считаться съ особенностями не только разныхъ народовъ, но и разныхъ общественныхъ группъ одного и того же народа. Разсказываютъ, что раньше, чѣмъ принять какую-нибудь важную мѣру, Наполеонъ I пытался отдать себѣ отчетъ въ томъ, какое впечатлѣніе она должна произвести на крестьянъ, какъ на самую

многочисленную часть населенія и главную опору его власти. Такая мысль не могла даже придти въ голову среднему представителю «философіи XVIII вѣка» — отсюда его полная неспособность понять хотя бы полную несостоятельность всей религіозной политики того времени.

Формальный взглядъ на причины общественнаго зла и неправильное представление о психическихъ свойствахъ человѣка не могли, разумѣется, не отразиться на образѣ дѣйствій исповѣдывавшаго ихъ поколѣнія и неизбежно должны были привести его къ горькимъ разочарованіямъ.

Разочарованія дѣйствительно не заставили себя ждать во всѣхъ областяхъ жизни, которыхъ такъ или иначе коснулась революція 1789 г.

Исходя изъ справедливаго убѣжденія о полной негодности всѣхъ сторонъ стараго порядка, уже Учредительное Собраніе приступило къ коренной ломкѣ прежняго строя и съ необычайной поспѣшностью двинуло это само по себѣ нужное и важное дѣло. Оно уничтожило абсолютную власть короля, произволъ его министровъ и интендантовъ и арханческія политическія претензіи парламентовъ; оно упразднило всѣ сословныя и религіозныя привилегіи и соотвѣтствовавшія этимъ привилегіямъ правоограниченія ротуріеровъ, протестантовъ и евреевъ; оно положило конецъ безобразной финансовой системѣ, построенной на эксплуатаціи неимущихъ; оно осудило на гибель все тяжелое наслѣдіе феодальной организаціи земледѣлія и цеховой организаціи промышленности; оно упразднило систему покупки судебныхъ и многихъ другихъ должностей; оно разрушило олигархическую организацію мѣстнаго управленія; однимъ словомъ оно съ необыкновенной энергіей разрушило всѣ особенности старой Франціи, и все или почти все, что оно сдѣлало въ этой области, сохранило свое значеніе вплоть до настоящаго времени.

Но одновременно съ разрушеніемъ стараго нужно было создать новое зданіе французской жизни, и въ этой области труды Учредительнаго Собранія оказались значительно менѣе разумными и цѣнными. Дѣло не въ томъ, что Учредительное Собраніе стремилось только къ разрушительной работѣ и, увлекаясь ею, забыло созидательную. Это обвиненіе нелѣпо уже потому, что всякій, кто критикуетъ и разрушаетъ данный порядокъ, критикуетъ и разрушаетъ его не иначе, какъ во имя того или иного идеала, по сравненію съ которымъ старый порядокъ и подлежитъ по его мнѣнію критикѣ или разрушенію. Идеаль критикующаго и разрушающаго можетъ быть болѣе или менѣе подробно разработанъ, и въ зависимости отъ степени его разработки осуществленіе этого идеала вызоветъ болѣе или менѣе значительное треніе и потребуетъ болѣе или менѣе значительнаго количества времени. Но даже если этотъ идеаль сводится только къ какому-нибудь абстрактному лозунгу въ родѣ свободы, или равенства, или братства, и то онъ немедленно просится къ осуществленію и ложится въ основу всей разрушительной и всей созидательной работы его сторонниковъ. Учредительное Собраніе въ частности не только разрушало, но и совершило поразительно сложную и крупную работу по созданію новыхъ условій жизни.

Бѣда заключалась не въ томъ, что Собраніе желало только разрушать, а въ томъ, что въ своей созидательной работѣ оно исходило изъ слишкомъ высокой оцѣнки умственнаго и нравственнаго склада человѣка вообще, французскаго народа того времени въ частности. Организациа, которую оно пожелало дать Франціи, была раз-

считана на очень высокую степень гражданского развитія, на широкое распространение чувства гражданского долга и политической ответственности, на способность и готовность гражданъ подчинить свои личные интересы народному благу, на ихъ самопожертвованіе и самоотреченіе. Ясно, что если трудно рассчитывать на всѣ эти условія въ мирное время, когда страсти не возбуждены, и политически зрѣлые элементы могутъ приобрести соответствующее не ихъ числу, но ихъ знаніямъ и опытности вліяніе, то въ революціонную эпоху необходима сугубая осторожность, необходимо отдавать себѣ отчетъ въ тѣхъ опасностяхъ, которыя содержитъ революціонное возбужденіе народной массы само по себѣ, и необходимо оградить государство и народъ отъ тѣхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти изъ факта насильственного ниспроверженія авторитета государственной власти. «Надо сказать и повторять безпрерывно,—говоритъ не безъ основанія Гизо, пережившій самъ двѣ революціи,—что всѣ революціи глубоко несовершенны [и] нечисты (*impures*), даже революціи наиболѣе спасительныя; ибо онѣ приводятъ въ движеніе всего человѣка и всѣхъ людей, изъ коихъ даже наилучшіе всегда несовершенны и нечисты (*impurs*)» ¹⁾. Революціонное время прежде всего меньше, чѣмъ какое-либо иное, располагаетъ массу общества къ отреченію отъ своего «я» въ интересахъ общества, хотя съ внѣшней стороны сущность его и заключается въ идеѣ *salus publica suprema lex*, т.-е. въ идеѣ безусловнаго господства принципа общественнаго блага надъ всѣми иными религіозными, моральными, законодательными критеріями личной или коллективной дѣятельности. Установившимся формамъ государственной и общественной жизни противопоставляется именно эта идея общественнаго блага; во имя ея ведется борьба со старымъ строемъ. И въ этой борьбѣ могутъ быть проявляемы и проявляются истинно героическія черты какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлой толпы. Но, во-первыхъ, этотъ героизмъ проявляется, главнымъ образомъ, въ устраненіи препятствій, стоящихъ на пути къ достиженію общественнаго блага, напр., при взятіи Бастиліи, т.-е. въ дѣйствіяхъ отрицательнаго, а не положительнаго характера, и отнюдь не такъ легко распространяется на послѣднія, иначе говоря, имѣетъ преимущественно кратковременный и разрушающій, а не длительный и созидающій характеръ, вытекающая скорѣе изъ чувства ненависти, чѣмъ изъ чувства солидарности. А, во-вторыхъ, и это самое главное, самая идея общественнаго блага вызываетъ отнюдь не только героическіе, но и самые элементарные, стихійные и матеріалистическіе инстинкты. Въ самомъ дѣлѣ, что такое общественное благо? Есть ли это такое простое и для всѣхъ равнозначашее понятіе, чтобы оно могло служить прочнымъ объединяющимъ всѣ группы общества лозунгомъ? Не есть ли это, наоборотъ, чрезвычайно сложное и неопредѣленное понятіе, въ которое каждый членъ общества и каждая однородная группа его членовъ не только могутъ, но неизбежно должны вводить свое содержаніе? И если послѣднее вѣрно, то не вытекаетъ ли изъ этого, что чѣмъ данное лицо или данная группа лицъ менѣе способны разобратся во всей сложности наличнаго положенія, тѣмъ одностороннѣе и энергичнѣе они будутъ защищать подъ знаменемъ общественнаго блага свое индивидуальное благо или то, что имъ будетъ казаться таковымъ? А если это такъ, то идея безусловнаго господства «обще-

¹⁾ Guizot, «Trois générations, 1789—1814—1848», p. 52 (Парижъ 1863).